

Научная статья

УДК 101.2

DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-1-27-38

Парадокс «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна

Анна Сергеевна Хромченко

*Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия*

annhs971017@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-1436-4490>

Аннотация

Парадокс «Логико-философского трактата» в статье выражен следующим образом: согласно завершающим тезисам Трактата, мы должны признать его предложения бессмысленными, но в то же время, несмотря на заключение о бессмысленности всего сказанного в Трактате, мы должны сохранить приверженность идеям, выраженным в теле Трактата, поскольку именно на основании этих идей мы признаем его предложения бессмысленными. Парадокс рассматривается с точки зрения двух конфликтующих интерпретаций – метафизического и решительного прочтений «Логико-философского трактата». Сторонники решительного прочтения настаивают на том, что обсуждаемый парадокс является следствием метафизической интерпретации Трактата и может и должен быть элиминирован. В статье показывается, что данный парадокс обнаруживается в каждом из рассмотренных прочтений.

Ключевые слова

лестница Трактата, бессмысленные предложения, возможность метафизики, метафизическое прочтение, решительное прочтение

Для цитирования

Хромченко А. А. Парадокс «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна // Сибирский философский журнал. 2024. Т. 22, № 1. С. 27–38. DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-1-27-38

Paradox of the “Tractatus Logico-Philosophicus”

Anna S. Khromchenko

*Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation*

annhs971017@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-1436-4490>

Abstract

The paradox of the “Tractatus Logico-Philosophicus” in the article is expressed as follows: according to the final theses of the Tractatus, we have to recognize its propositions as senseless, but at the same time, despite

© Хромченко А. А., 2024

the conclusion that everything said in the *Tractatus* is senseless, we must remain committed to the ideas expressed in the body of the *Tractatus*, since we recognize its propositions as senseless on the basis of these ideas. The paradox is considered from the point of view of two conflicting interpretations – metaphysical and resolute readings of the book. Proponents of the resolute reading insist that the paradox under discussion is the consequence of the metaphysical interpretation, and that it can and should be eliminated. The article shows that the paradox appears in each of the considered readings.

Keywords

the ladder of the *Tractatus*, senseless propositions, possibility of metaphysics, metaphysical reading, resolute reading

For citation

Khromchenko A.S. Paradox of the “*Tractatus Logico-Philosophicus*”. *Siberian Journal of Philosophy*, 2024, vol. 22, no. 1, pp. 27–38 (in Russian) DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-1-27-38

6.54. Мои предложения поясняются тем фактом, что тот, кто меня понял, в конце концов уясняет их бессмысленность, если он поднялся с их помощью – на них – выше их (он должен, так сказать, отбросить лестницу, после того как взберется по ней наверх). Он должен перебраться через эти предложения, лишь тогда он правильно увидит мир.

Л. Витгенштейн
«Логико-философский трактат»

В статье рассматривается парадоксальное заключение «Логико-философского трактата» о бессмысленности его собственных предложений. Парадоксальность данного заключения состоит в том, что, с одной стороны, следуя завершающим ремаркам Трактата, мы должны признать его предложения бессмысленными, а с другой стороны, мы должны сохранить приверженность идеям, высказанным в теле Трактата, поскольку именно на основании этих идей мы признаем его предложения бессмысленными. Обсуждаемый парадокс приписывается сторонниками решительного прочтения «Логико-философского трактата» стандартному, или метафизическому, подходу к прочтению книги. Согласно последнему, «Логико-философский трактат» содержит изложение изобразительной теории языка, положения которой задают критерии осмысленности предложений, и несоответствие предложений самого Трактата данным критериям вынуждает читателя признать их бессмысленность [Hacker, 2001a, p. 101]. Проблематичность такого прочтения заключается в том, что оно требует объяснения, каким образом предложения Трактата, которые составляют выдвигаемую в книге метафизическую теорию, несмотря на заключение об их бессмысленности, всё же сообщают содержательные идеи о природе языка и мира [Kuusela, 2011, p. 123–124]. Решительное прочтение, в свою очередь, настаивает на том, что «Логико-философский трактат» не выдвигает какую-либо теорию, а предлагает метод логического прояснения предложений и сам является примером такой проясняющей деятельности [Conant, Diamond, 2004, p. 42]. Так, предложения Трактата помогают достичь ясности в понимании и изложении осмысленных предложений посредством прояснения их логической структуры. По мере достижения логической ясности предложений обыденного языка мы должны отбросить предложения Трактата, используемые в качестве лестницы

к заданной цели, как бессмысленные, поскольку всё то, что они пытаются сказать, в осмысленных предложениях само показывает себя [Diamond, 1991, p. 183]. В соответствии с этим прочтением завершающие тезисы Трактата являются не парадоксальным заключением, демонстрирующим на основании выдвинутой теории бессмысленность предложений этой теории, а последовательным и необходимым шагом предлагаемого Витгенштейном метода.

В этой работе предпринята попытка показать, что парадокс в той формулировке, которая представлена в начале статьи, свойствен как стандартному, так и решительному прочтению «Логико-философского трактата», или, если говорить более детально, что данный парадокс может быть выражен как в терминах опровергающей саму себя метафизической теории, так и в терминах методологической неудачи, причина которой заключается в том, что учение о методе излагается с помощью нелегитимных с точки зрения самого метода предложений.

Бессмысленные предложения Трактата в свете двух интерпретаций

Одна из ключевых идей «Логико-философского трактата», которая прослеживается в том числе и в выраженной в предисловии основной мысли произведения – то, что вообще может быть сказано, может быть сказано ясно, а о чем невозможно говорить, о том следует молчать, – состоит в различии *сказанного* и *показанного* в предложении. Заключительные тезисы Витгенштейна, в которых утверждается, что существует *нечто* невыразимое, которое показывает себя (6.522)¹ и о котором следует молчать (7), дали повод для возникновения дискуссии между сторонниками решительного и стандартного прочтений о том, как следует интерпретировать то, что показывает себя в предложении. Стандартный подход приписывает Витгенштейну взгляд, согласно которому существуют метафизические свойства реальности, которые не поддаются высказыванию или описанию, но которые показывают себя в языке. В соответствии с этим существуют невыразимые истины о подлинной сущности мира, которые не могут постулироваться предложением, но которые тем не менее могут быть некоторым образом схвачены. В частности, такие истины обнаруживаются в ходе прочтения Трактата, и к их числу можно отнести идеи о гармонии между мышлением, языком и реальностью, о существовании внутренних и внешних отношений, о логической структуре мира и о границе мышления [Hacker, 2001a, p. 98–100; Kenny, 2006, p. 50–55]. Попытка Витгенштейна описать эти идеи, то есть выразить метафизические истины с помощью предложений, обуславливает заключение о бессмысленности предложений Трактата. Однако то, что перечисленные идеи, несмотря на данное заключение, всё же улавливаются читателем, указывает на то, что Трактат не говорит, но показывает ряд невыразимых истин. В этом и заключается его экзегетическая функция и метафора лестницы: бессмысленные предложения Трактата служат ступенями к правильному пониманию метафизических черт реальности. Итак, полагаясь на стандартное прочтение, мы должны предположить, что существует особый вид бессмысленных предложений, которые способны сообщать, или показывать, метафизические истины и из которых состоит «Логико-философский

¹ Здесь и далее в круглых скобках приводятся номера тезисов трактата по: [Витгенштейн, 2017].

трактат». Согласно этому рассуждению, стандартный подход предполагает приверженность концепции особой философской бессмыслицы, или значимой бессмыслицы, против которой активно выступают сторонники решительного прочтения [Goldfarb, 2011, p. 12; Kuusela, 2019, p. 38].

Главное возражение решительного прочтения заключается в том, что, согласно тексту «Логико-философского трактата», всё, что лежит за границами языка, то есть всё, что мы не можем ясно сказать, является *простой бессмыслицей* [Diamond, 1991, p. 182]. Бессмысленные предложения, а именно *unsinnige Sätze*, к которым относятся и предложения Трактата, не только ничего не говорят, но и ничего не показывают. Понятие же бессмыслицы, сообщающей невыразимые истины, встречает следующее затруднение. Согласно тезисам Трактата, границы языка означают границы мышления, поскольку то, что мы не можем помыслить, мы не можем и сказать (5.61). Напротив, то, что может быть сказано, а значит, может быть и помыслено, должно быть сказано ясно (4.116). Поэтому либо концепция невыразимой истины, которая предполагает, что мы можем помыслить нечто, что мы не можем сказать, противоречит данным тезисам, либо мы ошибочно полагаем, что перечисленные выше идеи, составляющие метафизическую теорию Трактата, являются невыразимыми, поскольку если мы можем их помыслить, мы должны быть способными выразить их ясным образом, то есть с помощью осмысленных предложений [Conant, Diamond, 2004, p. 45–46]. В соответствии с этим решительное прочтение не соглашается с тем, что задача «Логико-философского трактата» состоит в том, чтобы передать посредством бессмысленных предложений не поддающиеся высказыванию метафизические истины об особенностях языка и реальности. Скорее, цель книги заключается в приближении к логически прозрачной нотации, сама структура которой является единственно возможным выражением логических принципов, управляющих языком и мышлением [Kuusela, 2019, p. 43–45]. Бессмысленным же предложениям Трактата в рамках решительного прочтения отводится роль переходных замечаний, приближающих нас к той нотации, которая позволяет «правильно увидеть мир» (6.54), и после достижения и освоения которой мы более не нуждаемся в проясняющих логическую структуру языка предложениях. Для иллюстрации такого рода переходных замечаний обратимся к примеру К. Даймонд, которая вводит это понятие:

«Существует различие между функциями и объектами, и это различие проявляется в четкой разнице между знаками для функций и знаками для объектов в хорошо продуманной нотации» – это то, что вы могли бы назвать ‘переходным’ замечанием. Должен быть сделан переход, после которого слову “функция” не будет места в философском словаре, поскольку оно не нужно: нет такой работы, для которой это слово необходимо. Нечто другое выполняет ту работу, которая предназначена для такого предиката, как “функция”, причем это нечто другое является совокупностью общих логических признаков тех знаков, которые обозначают функции. Замечание вроде “существует фундаментальное различие между функциями и объектами” отбрасывается, как только мы убираем предикат “функция” из очищенного философского словаря. После перехода мы остаемся с логической нотацией, которая в некотором смысле должна говорить сама за себя. Если мы попытаемся впоследствии объяснить, почему эта нотация хорошая, мы знаем,

что обнаружим себя высказывающими вещи, которые могут помочь нашим слушателям, но которые мы сами не можем рассматривать как выражение какой-либо истинной мысли, выразимой или невыразимой. Когда мы говорим, почему нотация является хорошей, или когда мы объясняем, какие логические различия и сходства она делает очевидными, мы в некотором смысле возвращаемся назад к той стадии, на которой мы находились, когда схватывали смысл переходных замечаний» [Diamond, 1991, p. 184].

Следует заметить, что решительное прочтение не отвергает дистинкцию сказанного и показанного в предложении как пример той бессмыслицы, которую мы должны отбросить после знакомства с «Логико-философским трактатом». Данный подход принимает введенное Витгенштейном различие, но категорически не соглашается с интерпретацией показывания как выявления или раскрытия невыразимых истин о языке и реальности. С точки зрения решительного прочтения, любая удовлетворительная интерпретация «Логико-философского трактата» не должна смешивать функцию показывания, которая выполняется осмысленными предложениями, тавтологиями и противоречиями, и функцию прояснения, которая выполняется предложениями Трактата [Conant, Diamond, 2004, p. 48]. Осмысленные предложения, тавтологии и противоречия показывают собственную логическую структуру, и только её, в то время как Трактат предлагает метод логического прояснения предложений, который позволяет предложениям ясным образом показывать то, что подлежит показыванию. Результатом такого прояснения должны быть не бессмысленные предложения метафизики, преодолевающие границу языка и показывающие невыразимые истины о том, что лежит по ту сторону этой границы, а разработанная система символической записи предложений, которая адекватно отражает логическую структуру языка.

При первом же обращении к работе П. Хакера, которая во многом и стала поводом для начала обсуждаемой дискуссии о роли бессмысленных предложений «Логико-философского трактата» и в которой вводится понятие философской бессмыслицы, не совсем корректно ассоциируемое сторонниками решительного прочтения с понятием значимой бессмыслицы, можно отметить некоторое сходство двух конфликтующих интерпретаций: «Внутри области бессмысленного мы можем различить явную бессмыслицу и скрытую бессмыслицу. Явная бессмыслица может быть сразу распознана как бессмыслица. Так, например, предложение “Является ли добро более или менее тождественным, чем красота?” относится к классу явной бессмыслицы. Но большая часть философии не так очевидно нарушает границы смысла. И в таком случае речь идёт о скрытой бессмыслице, поскольку она нарушает принципы логического синтаксиса языка не таким прозрачным для неискушенного ума и заметным в обыденном языке способом. Философы пытаются сказать то, что может быть только показано, и то, что они говорят, будучи бессмыслицей, даже не показывает того, что они пытаются сказать. Тем не менее, даже в пределах философской, скрытой бессмыслицы мы можем провести различие, как мы увидим, между тем, что можно было бы (несколько сбивая с толку) назвать проясняющей бессмыслицей, и тем, что можно назвать вводящей в заблуждение бессмыслицей. Проясняющая бессмыслица приведет внимательного читателя к пониманию того, что показывается другими предло-

нениями, которые не претендуют иметь философский характер; более того, она укажет тому, кто схватил, что в ней имеется в виду, на свою собственную нелегитимность. В этом отношении задача философии двойка: заставить человека увидеть то, что показывает себя само, и в то же время предостеречь его от тщетных попыток высказать это...» [Hacker, 2021, p. 18].

Как видно из приведенного отрывка, проясняющая роль предложений Трактата не оспаривается ни одним из прочтений. Более того, одинаково интерпретируется цель данного прояснения – позволить ясно увидеть то, что показывается осмысленными предложениями языка, и после достижения ясности и прозрачности нашего способа изложения мыслей осознать бессмысленность самих проясняющих предложений. Здесь становится видно, что стандартное прочтение, по крайней мере прочтение П. Хакера, не предполагает, что *сами* бессмысленные предложения Трактата *показывают* метафизические истины и прозрения о свойствах языка и реальности, а соглашается с решительным подходом к прочтению книги в том, что, согласно Витгенштейну, философия не выдвигает никаких доктрин и не достигает никакого знания, а должна быть деятельностью по логическому прояснению предложений обыденного языка [Hacker, 2021, p. 23]. Так снимается возражение сторонников решительного прочтения, согласно которому если мы предполагаем, что Трактат открывает читателям метафизические истины, то требуется объяснение того, как эти истины могут постулироваться бессмысленными предложениями. Однако существенная разница интерпретаций состоит в том, что в отличие от решительного прочтения стандартный подход утверждает, что каждое предложение, чья логическая форма может быть представлена в надлежащей нотации, показывает существенные черты реальности, *невывразимую сущность мира*, которую всегда пыталась описать философия [Hacker, 2021, p. 24]. В этом смысле предложения Трактата как попытка философии в очередной раз сказать то, что показывается обычными предложениям, являются, по словам П. Хакера, лебединой песней метафизики [Hacker, 2021, p. 27].

Если согласно стандартному подходу «Логико-философский трактат» пытается сказать то, что показывается обычными предложениями, и этим обуславливается бессмысленность его предложений, то согласно решительному прочтению предположение, что существует *нечто*, показывающее себя в предложениях и не поддающееся высказыванию, что открывается нам в ходе прочтения Трактата или в результате применения выдвигаемого в нем метода, является в корне неверным. Финальная цель метода, который предлагается Витгенштейном в Трактате, заключается в том, чтобы избавиться от обманчивого ощущения, что мы можем некоторым образом постигнуть или схватить нечто невыразимое, что такое нечто вообще есть. Признавая бессмысленность предложений «Логико-философского трактата», мы не предполагаем, что после отбрасывания лестницы Трактата у нас остаются метафизические прозрения о природе языка и мира, на которые данные предложения указывают. Напротив, последовательное применение предлагаемого Витгенштейном метода логического анализа и прояснения предложений вынуждает читателя отбросить предложения Трактата как простую, ничего не значащую бессмыслицу. Согласно решительному прочтению книги, отбрасывание лестницы состоит не в том, чтобы взобраться посредством метафизических про-

зрений к корректной логической точке зрения на мир, по достижении которой мы более не нуждаемся в бессмысленных попытках сказать то, что не поддается высказыванию, а в том, чтобы отказаться от ложного ощущения, что за границами языка есть что-то, что мы можем познать. Последним и необходимым шагом предлагаемого в Трактате метода является осознание того, что невыразимого содержания мысли не существует и предложения Трактата являются простой бессмыслицей, которая не пытается донести до нас некоторое *что*, о котором следует молчать [Conant, 2002, p. 421–425; Conant, Diamond, 2004, p. 61–63].

Таким образом, если стандартный подход предлагает взгляд на «Логико-философский трактат» как на последнюю попытку философии описать метафизические особенности языка и реальности, которая нацелена на то, чтобы обосновать невозможность и бессмысленность метафизических высказываний, и в этом заключается источник парадоксальности Трактата, то решительное прочтение настаивает на том, что «Логико-философский трактат» не содержит метафизических предположений и не стремится передать нечто невыразимое, а предлагает метод логического прояснения предложений, ключевым шагом которого является осознание бессмысленности любых попыток выразить структурные особенности языка иным способом, кроме как с помощью логической нотации. Различение сказанного и показанного в таком прочтении нацелено не на то, чтобы донести до читателя, что существуют невыразимые истины, которые пытается передать «Логико-философский трактат», а на то, чтобы обозначить и дифференцировать *в пределах* языка то, что поддается высказыванию и относится к области смысла, и то, что позволяет предложению формировать смысл, то есть логическую структуру предложения. Понимание показывания как специфического модуса высказывания, который обеспечивает нам доступ к особым истинам, содержание которых не может быть выражено, но каким-то образом может быть схвачено, по мнению сторонников решительного прочтения, не согласуется с замыслом Трактата, который стремится ограничить претензии метафизики на достижение необходимых истин [Conant, Diamond, 2004, p. 62]. Тезис о бессмысленности предложений Трактата в таком случае интерпретируется не как парадоксальное заключение, вынесенное на основании выдвигаемой в нём метафизической теории, а как последовательное применение предлагаемого в Трактате метода логического прояснения языка.

Парадокс Трактата в свете двух интерпретаций

Как было отмечено выше, сторонники решительного прочтения настаивают на том, что парадокс завершающих ремарок «Логико-философского трактата» возникает только в рамках стандартного подхода, когда мы предполагаем, что Витгенштейн выдвигает метафизическую теорию и на основании этой теории отрицает возможность метафизики [Kuusela, 2019, p. 41–43; Conant, Diamond, 2004, p. 51]. В таком случае парадокс может быть выражен в следующих терминах: принимая предлагаемую в Трактате теорию языка и смысла, мы с необходимостью заключаем о бессмысленности предложений самой этой теории. Одна из основных трудностей стандартного прочтения заключается в том, что если мы соглашаем-

ся с тем, что Витгенштейн сознательно нарушает логическую грамматику языка, чтобы подвести читателя к пониманию необходимых черт реальности с помощью бессмысленных предложений Трактата [Hacker, 2001a, p. 121], то мы должны объяснить то, каким образом бессмысленные предложения могут сообщать содержательные идеи или подводить читателя к их схватыванию. Согласно же решительному подходу, данное парадоксальное затруднение не возникает, если мы иначе интерпретируем цель Трактата. Ключевая мысль Витгенштейна состоит в том, что имеется только *логическая* необходимость (6.37), которая проявляет себя исключительно в логической структуре языка и не может утверждаться предложением (4.122). В соответствии с этим цель Трактата заключается не в том, чтобы передать необходимые истины о природе языка и мира посредством метафизической теории, а в том, чтобы предложить метод логического анализа языка, в результате которого должна быть разработана символическая запись предложений, абсолютно прозрачно и недвусмысленно отражающая их логическую структуру. Именно возможность выражения логических принципов, управляющих языком и мышлением, с помощью логической нотации, сам внешний вид которой делает эти принципы понятными, позволяет рассматривать предложения Трактата лишь в качестве переходных замечаний, которые используются с целью ознакомления с понятиями разрабатываемой нотации и после достижения этой цели могут быть отброшены как бессмысленные [Kuusela, 2019, p. 43–45; Diamond, 1991, p. 182].

Идея о том, что формальные особенности языка должны быть выражены, или показаны, только с помощью структуры используемой нами символической записи, позволяет избежать парадокса, приписываемого «Логико-философскому трактату», и в другой его формулировке. Тезис Витгенштейна о том, что логика определяет границы языка и мышления (3.03, 3.031), с одной стороны, не допускает возможность ошибок в логике (3.032, 5.4731), поскольку просто нельзя нелогически мыслить, и с другой стороны, исключает возможность внешней точки зрения, с которой можно было бы рассматривать и оценивать саму логику. В соответствии с этим неправильное понимание логики нашего языка обнаруживается тогда, когда мы считаем возможным или необходимым построение метаязыковых конструкций, определяющих синтаксические особенности той или иной знаковой системы, как, например, это делает теория типов Рассела с целью исключения парадоксов наивной теории множеств. Метаязыковые, или метатеоретические, рассуждения в рамках предлагаемой Витгенштейном универалистской концепции логики оказываются не просто нежелательными, но в принципе невозможными, что и побуждает его к введению тезиса о молчании. Однако невозможность прояснения логики языка и мышления с помощью теоретических утверждений и порождает приписываемый Трактату парадокс: если мы признаем невозможными и бессмысленными любые попытки провести обоснование логики, поскольку логика определяет границы языка и мышления и сама о себе заботится, то сами эти утверждения, служащие объяснением природы логики, должны быть признаны бессмысленными. Запрет на метатеоретические конструкции, таким образом, вводится на метатеоретическом уровне. Тем не менее, как утверждает сторонник решительного прочтения О. Куусела, требуемое Витгенштейном молчание не исключает метатеоретические соображения во всех возможных смыслах, но толь-

ко в их специфическом и проблематичном смысле, а именно, когда они выражены с помощью истинных утверждений. Предлагаемое в Трактате понимание логики допускает возможность прояснения логических свойств и особенностей языка в терминах символической системы, которая стремится сделать очевидными принципы логики через собственную структуру, в которую эти принципы должны быть закодированы [Kuusela, 2019, p. 49]. Заключительные тезисы о бессмысленности предложений Трактата, согласно такому прочтению, не содержат в себе парадокс и должны быть поняты буквально: в соответствии с предлагаемым в книге методом мы должны осознать бессмысленность любых попыток обозначить особенности логической структуры языка с помощью теоретических утверждений, в том числе и бессмысленность предложений Трактата, лишь подводящих нас к корректному способу изложения принципов логики посредством подходящей для данной цели нотации.

Тем не менее всё вышесказанное не избавляет решительное прочтение от затруднения, которое приписывается его сторонниками исключительно стандартному подходу. По верному замечанию П. Хакера, решительное прочтение так же сталкивается с необходимостью дать объяснение, каким образом простая, ничего не значащая бессмыслица, или *абракадабра*, в качестве которой мы должны признать тезисы Трактата после его прочтения, может подводить нас к пониманию логических принципов, которые должны быть отражены через формальные особенности символического языка [Hacker, 2001a, p. 111; Hacker, 2001b, p. 142–143]. К тому же, поскольку возможность создания нотации, правильно отражающей логическую структуру языка, сама по себе не делает попытки выразить свойства данной структуры другим способом, например, с помощью предложений мета-теории, бессмысленными, понимание предложений Трактата как переходных замечаний требует объяснения, на основании чего эти замечания после достижения намеченной Витгенштейном цели должны признаваться бессмысленными. Соответственно, даже в рамках решительного прочтения «Логико-философский трактат» должен, имплицитно или эксплицитно, содержать в себе теоретическое обоснование, почему один способ выражения логических свойств языка является правильным, а другой нет.

Действительно, решительное прочтение соглашается с тем, что даже несмотря на то, что предлагаемый Витгенштейном метод логического анализа языка должен был освободить философию от каких-либо метафизических предположений, приверженность определенному стилю анализа фактически обязывает его придерживаться метафизических доктрин о природе языка. Именно согласно данным доктринам в Трактате не только разрабатывается метод логического прояснения предложений, но и выдвигается требование выражения логических принципов исключительно с помощью символической записи предложений, указывающее на бессмысленность любых других способов выражения логической структуры языка. В этом смысле утверждение П. Хакера о том, что «Логико-философский трактат» как *учение* о методе является лебединой песней метафизики, вполне совместимо с решительным прочтением. Однако метафизика Трактата, согласно решительному подходу, не пытается передать нечто невыразимое, лежащее за пределами языка, как предполагает стандартный подход, а скорее формулирует

требования логического анализа, исходя из внутренне присущих языку свойств и особенностей [Conant, Diamond, 2004, p. 78–81]. Тем не менее наличие теоретического обоснования и изложения метода в тексте Трактата приводит к тому же парадоксу, что приписывается сторонниками решительного прочтения стандартному подходу: применяя предлагаемый в теле Трактата метод к предложениям самого Трактата, мы с необходимостью заключаем о бессмысленности предложений, составляющих учение об этом методе. В таком случае затруднение о том, каким образом бессмысленные переходные замечания могут прояснять логическую структуру языка, дополняется вопросом о том, каким образом бессмысленные предложения Трактата проводят вполне осмысленное обоснование метода логического прояснения предложений.

Парадокс заключительных ремарок «Логико-философского трактата», таким образом, сохраняется в каждой из рассматриваемых интерпретаций. Предположение Витгенштейна о том, что должен существовать единственно правильный метод философии, а именно метод логического анализа языка, и его требование определенной системы анализа, продиктованное специфическим пониманием природы языка, являются тем пробелом в содержании «Логико-философского трактата», который позволяет признать метафизический характер большинства его положений даже в рамках решительного прочтения [Kuusela, 2011, p. 138–142]. Сохраняя приверженность метафизическим идеям, высказанным в теле Трактата, мы с необходимостью должны признать бессмысленность предложений, высказывающих эти идеи, независимо от того, интерпретируем ли мы эти предложения как составляющие метафизическую теорию о невыразимой сущности мира или же как заключающие в себе учение о методе. В соответствии с этим каждое прочтение сталкивается с требованием объяснить, каким образом бессмыслица может всё-таки иметь некоторый смысл: если в рамках метафизического прочтения возникает вопрос, каким образом бессмысленные предложения могут подводить нас к схватыванию невыразимых истин, которые не могут быть сказаны, но только показаны, то в решительном прочтении это затруднение трансформируется в вопрос о том, каким образом бессмысленные предложения могут подводить нас к пониманию логических свойств языка. Независимо от того, рассматриваем ли мы Трактат как попытку его автора показать метафизические свойства реальности или же мы соглашаемся с тезисом, что, согласно Витгенштейну, показыванию подлежит исключительно логическая структура языка, осознание бессмысленности всего сказанного в книге обнаруживается как необходимый шаг в каждом из толкований. В то же время в любом прочтении бессмыслица Трактата не может быть понята как простая нелепица, поскольку в таком случае ключевая для понимания замысла произведения метафора лестницы оказалась бы попросту неприменимой к тексту Трактата, который представлял бы собой набор случайных символов, не имеющих никакого содержания. В соответствии с этим обсуждаемый парадокс не может быть отнесен лишь к какой-то из существующих интерпретаций, а должен рассматриваться как необходимый содержательный элемент «Логико-философского трактата».

Список литературы

- Витгенштейн Л.** Логико-философский трактат. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2017. 288 с.
- Conant J.** The Method of the Tractatus // From Frege to Wittgenstein: Perspectives on Early Analytic Philosophy / Ed. by E. H. Reck. N. Y.: Oxford University Press, 2002. P. 374–462.
- Conant J., Diamond C.** On Reading the Tractatus Resolutely: Reply to Meredith Williams and Peter Sullivan // Wittgenstein's Lasting Significance / Ed. by M. Kölbel, B. Weiss. L.; N. Y.: Routledge, 2004. P. 42–97.
- Diamond C.** Throwing Away the Ladder: How to Read the Tractatus // The Realistic Spirit: Wittgenstein, Philosophy, and the Mind / C. Diamond. Cambridge; L.: The MIT Press, 1991. P. 179–204.
- Goldfarb W.** Das Überwinden: Anti-Metaphysical Readings of the Tractatus // Beyond the Tractatus Wars: The New Wittgenstein Debate / Ed. by R. Read, M. A. Lavery. N. Y.: Routledge, 2011. P. 6–21.
- Hacker P. M. S.** Insight and Illusion: Themes in the Philosophy of Wittgenstein 3rd Ed. / Foreword by C. Sandis. L.; N. Y.: Anthem Press, 2021. 341 p.
- Hacker P. M. S.** Was he Trying to Whistle it? // Wittgenstein: Connections and Controversies. Oxford: Clarendon Press, 2001a. P. 98–140.
- Hacker P. M. S.** When the Whistling had to Stop // Wittgenstein: Connections and Controversies. Oxford: Clarendon Press, 2001b. P. 141–170.
- Kenny A.** Wittgenstein. Revised edition. Oxford; Malden, Carlton: Blackwell Publishing, 2006. 191 p.
- Kuusela O.** The Dialectic of Interpretations: Reading Wittgenstein's Tractatus // Beyond the Tractatus Wars: The New Wittgenstein Debate / Ed. by R. Read, M. A. Lavery. N. Y.: Routledge, 2011. P. 121–148.
- Kuusela O.** Wittgenstein on Logic as the Method of Philosophy: Re-examining the Roots and Development of Analytic Philosophy. Oxford: Oxford University Press, 2019. 297 p.

References

- Wittgenstein L.** Tractatus Logico-Philosophicus. M.: Kanon +; ROOI «Reabilitatsia», 2017. 288 p. (In Russian)
- Conant J.** The Method of the Tractatus // From Frege to Wittgenstein: Perspectives on Early Analytic Philosophy / Ed. by E. H. Reck. N. Y.: Oxford University Press, 2002. P. 374–462.
- Conant J., Diamond C.** On Reading the Tractatus Resolutely: Reply to Meredith Williams and Peter Sullivan // Wittgenstein's Lasting Significance / Ed. by M. Kölbel, B. Weiss. L.; N. Y.: Routledge, 2004. P. 42–97.
- Diamond C.** Throwing Away the Ladder: How to Read the Tractatus // The Realistic Spirit: Wittgenstein, Philosophy, and the Mind / C. Diamond. Cambridge; L.: The MIT Press, 1991. P. 179–204.
- Goldfarb W.** Das Überwinden: Anti-Metaphysical Readings of the Tractatus // Beyond the Tractatus Wars: The New Wittgenstein Debate / Ed. by R. Read, M. A. Lavery. N. Y.: Routledge, 2011. P. 6–21.

- Hacker P. M. S.** Insight and Illusion: Themes in the Philosophy of Wittgenstein 3rd Ed. / Foreword by C. Sandis. L.; N. Y.: Anthem Press, 2021. 341 p.
- Hacker P. M. S.** Was he Trying to Whistle it? // Wittgenstein: Connections and Controversies. Oxford: Clarendon Press, 2001a, P. 98–140.
- Hacker P. M. S.** When the Whistling had to Stop // Wittgenstein: Connections and Controversies. Oxford: Clarendon Press, 2001b. P. 141–170.
- Kenny A.** Wittgenstein. Revised edition. Oxford; Malden, Carlton: Blackwell Publishing, 2006. 191 p.
- Kuusela O.** The Dialectic of Interpretations: Reading Wittgenstein's Tractatus // Beyond the Tractatus Wars: The New Wittgenstein Debate / Ed. by R. Read, M. A. Lavery. N. Y.: Routledge, 2011. P. 121–148.
- Kuusela O.** Wittgenstein on Logic as the Method of Philosophy: Re-examining the Roots and Development of Analytic Philosophy. Oxford: Oxford University Press, 2019. 297 p.

Информация об авторе

Анна Сергеевна Хромченко

Младший научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН

Information about the author

Anna S. Khromchenko

Junior Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS

*Статья поступила в редколлегию 16.01.2024;
одобрена после рецензирования 25.01.2024; принята к публикации 7.02.2024*

*The article was submitted 16.01.2024;
approved after reviewing 25.01.2024; accepted for publication 7.02.2024*